

Ч.Дж.Гальперин

КЫПЧАКСКИЙ ФАКТОР: ИЛЬХАНЫ, МАМЛЮКИ И АЙН-ДЖАЛУТ*¹

В 1260 г армия египетских мамлюков во главе с султаном Кутгузом разгромила монгольскую армию Ильханата во главе с Китбугой в битве при Айн-Джалуте (“Родник Голиафа”) в Палестине. Поскольку эта кампания маркировала самое глубокое продвижение монголов на Ближнем Востоке, ученые уделили ее военному и политическому значению повышенное внимание. Однако один важный аспект ильханидо-мамлюкских отношений был едва затронут; оценка роли и влияния кыпчаков в XIII-XIV вв. может гораздо яснее осветить особенности истории Монгольской империи и ее государств-преемников.

Задним числом следует извинить ученых, оценивших сражение как событие, разрушившее миф о непобедимости монголов на Ближнем Востоке; такой взгляд впервые был предложен к обсуждению К.д’Оссоном в 1834 г (D’Ohsson C., 1834, p.342). Хотя эта точка зрения порой высказывается и ныне, уже достаточно ясно, что она не находит подтверждения в источниках². В действительности Ильханиды продолжали вторгаться в Сирию до 1312 г; лишь потеряв всякие надежды завоевать ее, иранские монголы в 1323 г заключили мир с мамлюками.

В научных дискуссиях много места занимали вопросы, почему монголы проиграли битву при Айн-Джалуте, и почему они в течение полувека так упорствовали, пытаясь взять реванш за то поражение. Дж.М.Смит утверждал, что мамлюки были превосходными воинами, лучше обученными и вооруженными, настоящими профессионалами в отличие от неорганизованных толп монгольских кочевников. По Дж.М.Смиту, проблема заключает-

ся не в том, почему потерпели поражение монголы, а в том, почему победили мамлюки (Smith J.M., 1984, pp.307-345). Д.О.Морган настаивал, что, в конечном счете, монголы не смогли завоевать Сирию вследствие трудностей с тыловым обеспечением. В Сирии, как и в Венгрии (что было показано Д.Синором (Sinor D., 1972, pp.181-182)), не хватало пастбищ для обеспечения монгольских лошадей, о чем в 1262 г говорил сам Хулагу в послании королю Франции Людовику Святому. Кроме того, Д.О.Морган приводит свидетельство Бар Эбрея, что монголы и их лошади очень плохо переносили летнюю жару, к тому же водные ресурсы Сирии не могли удовлетворить потребности монгольской армии (Morgan D.O., 1985, pp.231-235). Вместе с тем, позднее Д.О.Морган ослабил свои же доводы, или, во всяком случае, свои аналогии, обратив внимание на то, что монголы, несмотря на неблагоприятную экологию равнины Алфёльд, все-таки зимовали в Венгрии и намеревались остаться там после кампании Бату, о чем свидетельствует начало чеканки ими монет³. Оценивая статистические выкладки Д.Синора как сугубо приблизительные, Д.О.Морган, тем не менее, согласился с его заключением: пастбища в Венгрии были хотя и привлекательные, но все же недостаточные для обеспечения большой оккупационной армии монголов⁴. По Д.О.Моргану, отказ монголов от намерения возвратиться в Венгрию показывает, что они умеряли свои амбиции, сообразуясь с географическим здравым смыслом (Morgan D.O., 1990, pp.139-141). П.Торпу заново рассмотрел стратегию и тактику битвы при Айн-Джалуте, подвергая сомнению общепринятое объяснение ее итога как следствие успешного за-

* Перевод с англ. яз. В.П.Костюкова (Halperin Charles J. 2000. The Kipchak Connection: The Ilkhans, the Mamluks and Ayn Jalut// Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol.63. No.2. pp. 229-245). Публикуемый здесь перевод содержит ряд авторских исправлений и дополнений.

¹ Выражаю благодарность профессору Девину ДеВиизу за чтение чернового варианта этой статьи. Разумеется, ответственность за все ошибки я принимаю на себя.

² Я рассматривал миф о непобедимости монголов в Восточной Азии, Восточной Европе и на Среднем Востоке в статье “Russo-Tatar relations in Mongol context” (Halperin Ch.J., 1998, pp.325-335).

³ Н.Беренд опровергает идентификацию этих медных псевдо-арабских монет как монгольских (Berend N., 1998-1999, pp.5-14, особенно p.9).

⁴ Согласно Джувейни, если бы на то была воля “предсказателей”, монголы возобновили бы военные действия в Венгрии (Boyle J.A., 1959, p.340).

маневрирования мамлюками монголов в засаду (Thorau P., 1985, pp.236-241). Э.Шютц подчеркнул геополитическое значение соответствующих мамлюкских и ильханидских внутренних районов, чтобы объяснить неудачу монголов в удержании Сирии и Палестины. Для монголов эти области были слишком отдаленными от Ирана, их ландшафт был непривычен и неприветлив, кроме того, Ильханиды видели главные угрозы не здесь, а на северо-западных и северо-восточных границах – от Джучидов Золотой Орды и Чагатаидов. И наоборот, Египет, главный источник ресурсов для мамлюкских военных кампаний, был ближе к Сирии, в которую им после нейтрализации крепостей крестоносцев ничто не препятствовало перемещать войска через дружественную территорию, не опасаясь никакой угрозы с юга. Короче говоря, расклад карт в колоде был неудачным для монголов (Schütz E., 1991, pp.3-22).

Р.Амитай-Прейсс недавно провел наиболее обстоятельное изучение сражения и его долгосрочных последствий для ильханидо-мамлюкских отношений (Amitai-Preiss R., 1995). Р.Амитай-Прейсс оспаривает акцент Д.О.Моргана на материальном обеспечении, оценивая содержащиеся в письме Хулагу Людовико Святому ссылки на объективные причины случившегося как объяснение *ex post facto*. Не менее чем на треть монгольская армия состояла из не-монголов, главным образом, из армян и грузин, которые не держали своих лошадей на подножном корму. Войска Хулагу также включали пехоту, укомплектованную, по всей видимости, персами (надо полагать, она тоже не нуждалась в пастбищах). Недостаток естественных пастбищ мог быть восполнен использованием посевов и специальными поставками фуража. Ведение кампании в зимний период решило бы проблему высокой летней температуры, а недостаток воды мог быть восполнен за счет снега, кроме того, необходимую воду давали не только дожди, но и реки. Не менее важно, что, в отличие от венгерского сценария, монголы после поражения делали новые попытки вторгнуться в Сирию (Amitai-Preiss R., 1995, pp.26-29, 225-229). Р.Амитай-Прейсс также не согласился со Дж.М.Смитом в оценке способностей двух противоборствующих армий. Он полагает, что Дж.М.Смит преувеличил мамлюкское превосходство и недооценил вооружение, тактику и степень обученности монголов (Amitai-Preiss R., 1995, pp.214-225). Хулагу начал вторжение в Сирию с захвата Алеппо и Дамаска. Однако вскоре, перед

нападением на Палестину, он отвел большую часть своего войска – то ли для того, чтобы защитить Азербайджан от происков Золотой Орды, то ли для того, чтобы подкрепить политические шаги в поддержку Хубилая против Арик-Буги в гражданской войне, которая уже вспыхнула и которая отныне станет постоянно фрагментировать Монгольскую Империю, то ли просто из-за недостаточной осведомленности о численности мамлюкского резерва, находившегося на пути из Египта⁵. Ясно также, что как в 1260 г, так и позже, удержание Сирии было более важным для мамлюков, чем ее присоединение для Ильханов; по этой причине египетские источники уделяют этой войне намного больше внимания, чем персидские хроники (Amitai-Preiss R., 1995, p.137). Это и понятно: для Ильханидов защита Азербайджана и Кавказа оставалась более высоким, если не высшим приоритетом. Усилия для захвата Сирии могли быть предприняты только тогда, когда необходимость отражения угрозы со стороны Джучидов и Чагатаидов не поглощала все ресурсы Ильханидов. Тем не менее, Ильханиды не намеревались добровольно или быстро отказаться от своих претензий на мамлюкские территории. Р.Амитай-Прейсс объясняет это упрямое и, в конечном счете, бесполезное стремление Ильханидов завоевать Сирию пережитками монгольской имперской идеологии. До битвы при Айн-Джалуте мамлюки казнили монгольских послов, что считалось в Центральной Азии серьезным дипломатическим инцидентом (Sinor D., 1989, pp.339-347; Halperin Ch.J., 1998, pp.322-350). Поражение при Айн-Джалуте само по себе взывало к мести. Мандат, полученный Чингизом от Тенгри на то, чтобы повелевать всеми, кто живет в войлочных юртах, заканчивает Р.Амитай-Прейсс, оставался важным элементом ильханидской культуры, достаточно существенным, чтобы мотивировать непримиримость к мамлюкам в течение 60 лет. “Монгольская имперская идея неотвратимости судьбы”, утверждает он, продолжала вдохновлять ильханидскую политику в отношении Сирии долгое время после Айн-Джалута (Amitai-Preiss R., 1995, pp.8-11, 128, 229-235)⁶.

Кыпчаки и идеология монголов

Хотя, как известно, к 1260 г расширение Великой Монгольской Империи уже далеко превзошло первоначальный “божественный мандат” –

⁵ П.Джексон рассматривает мамлюкско-золотоордынский альянс как знак распада Монгольской империи, не уточняя его места в этом процессе (Jackson P., 1978, pp.186-244).

⁶ Некоторые замечания относительно акцентов в центральноазиатских исследованиях имперских и чингизидских традиций см. у: DeWeese D., 1994, pp.521-522, 526-527.

восточных славян, покоренных в 1237-40 гг, уже нельзя отнести к обитателям войлочных юрт, – Р.Амитай-Прейсс, конечно же, прав, что Ильханиды придерживались заповедей Чингиз-хана. Но Р.Амитай-Прейсс упоминает также другой предмет, возбуждавший враждебность Ильханидов к мамлюкам. Сохранилось письмо от Хулагу к Куттузу, воспроизведенное мамлюкской историографией на арабском языке: первоначально Ибн ал-Фурагом, а вслед за ним – Макризи. Письмо, очевидно, написанное мусульманином, было составлено в цветистом исламском стиле и переполнено цитатами из Корана, в котором не-мусульманин Хулагу едва ли был сведущ. Несмотря на исламский оттенок, послание выражало чингизидскую концепцию божественного права управлять миром. Мятежники должны быть уничтожены, для них нет никакого спасения, сопротивление бесполезно. Но в начале письма прозвучала другая тема. Письмо описывало ал-Малика ал-Музаффара Куттуза как “прирожденного раба, бежавшего пред нашими мечами в эту страну, наслаждавшегося ее удобствами, а затем убившего ее правителей”. Р.Амитай-Прейсс анализирует эту риторику как оскорбительное напоминание Куттузу о том, что он беженец и раб, и о том, каким образом он взошел на трон (Amitai-Preiss R., 1995, p.36)⁷.

Куттуз, действительно, был беженцем из Хорезма, служившим в наемном контингенте и спасшимся от монголов; разные источники называют его то туркменом (Loewe H.M.J., 1936, p.643; Sweeney J.R., 1994, p.36), то туркменом или огузом (Poliak N.A., 1935, pp.237-238), то кыпчаком (Bregel Yu., 1991, pp.59-60)⁸. Нет сомнений лишь в том, что кыпчаком, вероятно, из племени бурджоглы, был Бейбарс, возглавивший заговор против Куттуза и занявший его место (Golden P.V., 1992, p.349). Р.Амитай-Прейсс пишет, что Бейбарс вряд ли мог бы противостоять Ильханам без “постоянного притока мамлюков, большинство из которых прибывало с территорий, контролировавшихся Золотой Ордой” (Amitai-Preiss R., 1995, p.85). Усилия Ильханов воспрепятствовать притоку рабов в Египет, а равно и предотвратить прямую торговлю между Золотой Ордой и Египтом потерпели неудачу (Amitai-Preiss R., 1995, pp.78-91, 207-211).

Кыпчаки доминировали в корпусе египетских мамлюков на протяжении всего периода “бахри” (1250-1382 гг) и не уступали лидерства черкесам до окончания распада Ильханата. Берке, мусульманский хан Золотой Орды, разрешил мамлюкскому султану Египта Бейбарсу, своему единоверцу и союзнику против Ильханидов, покупать рабов на джучидской территории⁹. Кыпчакский тюркский язык стал разговорным и литературным языком мамлюкской военно-политической элиты, и все ее представители, даже если они были не-кыпчакского или даже не-тюркского происхождения, брали тюркские имена, чтобы их можно было отличить от именуемых по-арабски подданных и детей. Кыпчаки не “рекрутировались” в Египет как евнухи. Когда мамлюкский султан хотел похвалить свои туркменские подразделения, он называл их “чистыми кыпчаками”¹⁰. Мамлюки хорошо знали, что представляло собой монгольское завоевание Западной Евразии, собственно, и создавшее условия, при которых Египет смог вывозить из Кыпчакской степи молодых мужчин, чтобы сделать их мамлюками, и юных представительниц женского пола, чтобы сделать их женами. Р.Амитай-Прейсс называет ан-Нувайри самым ранним мамлюкским историком, в 1332 г ясно сформулировавшим это сознание. После констатации прежних трудностей Айюбидов, связанных с пополнением мамлюкской армии кыпчаками, ан-Нувайри пишет: “[Монголы] обрушились на них [Кыпчаков] и принесли им смерть, рабство и захват. В это время торговцы купили [этих пленников] и привезли их в [различные] страны и города. Первым, кто приобрел многих из них, возвысил и продвинул в армию был ал-Малик ал-Салих Наджм ал-Дин Айюб” (Amitai-Preiss R., 1995, p.18). Другие мамлюкские источники тоже выставляют на первый план роль монгольского вторжения в Западную Евразию в цепи событий, приведших к созданию египетской мамлюкской армии из представителей тюркских, монгольских и других народов, которые происходили из находившихся под монгольской властью Центральной Азии и Черноморско-Каспийских степей (Ayalon D., 1972b, pp.117-123). Даже при том, что армия Куттуза включала туркмен, бедуинов и курдов, мамлюкский Египет был во власти кыпчакской во-

⁷ Полный текст письма и сопровождающий его рассказ о битве при Айн-Джалуте переведен на английский из Макризи Б.Льюисом (Islam, 1987, pp.84-89, письмо на с.84-85).

⁸ Согласно Р.Ирвину, около половины армии шаха Хорезма состояло из кыпчаков (Irwin R., 1986, p.13).

⁹ Позднейшее разделение Золотой Орды между Ногаем и Токтой вкупе с засухой в степи привело к росту предложения кыпчаков, продаваемых мамлюкам (Irwin R., 1986, p.88).

¹⁰ Н.А.Поляк утверждает, что Египетский Султанат был вассалом или колонией Золотой Орды, и что влияние кыпчаков в Египте была проявлением этого статуса (Poliak N.A., 1935, pp.231-248). Опровержение аргументов Н.А.Поляка см. у: Ayalon D., 1949, pp.135-147. См. также: Ayalon D., 1968, pp.311-329; 1975, pp.193-198; 1977, pp.273-274; 1988, p.16.

енной и политической элиты. Из 10000 (или около того) султанских мамлюков, расквартированных в Каирской крепости, выходили лица, занимавшие главные правительственные должности и командные посты в армии. Хотя оскорбительный выпад Хулагу был адресован непосредственно Куттузу, а не мамлюкам вообще, он, несомненно, показывает, что монголы располагали важной информацией относительно своих противников. Если Хулагу знал происхождение Куттуза, то в Ильханате, конечно, знали, что Бейбарс и большинство мамлюков были кыпчаками. Поэтому, хотя подобные намеки на этническую принадлежность мамлюков в дальнейших обменах оскорблениями между Ильханатом и Египтом, очевидно, не повторялись, мы все же можем заключить, что Ильханиды воспринимали мамлюкскую элиту как кыпчаков. И здесь совершенно необходимы пояснения, так как кыпчаки и монголы к 1260 г, конечно же, имели определенную историю отношений.

Кыпчаки перед монгольским завоеванием

Кыпчаки, обычно называемые в восточнославянских источниках половцами, а в латинских и греческих – куманами (если, конечно, все они могут рассматриваться как единый этнос¹¹), представляли собой одну из самых крупных тюркских кочевых конфедераций¹², когда-либо занимавших Причерноморские и Прикаспийские степи. Согласно П.Голдену, они были “одной из наиболее значительных племенных конфедераций средневековой Евразии, представители которой могут быть найдены повсюду: в Дунайской Европе, Византии, айюбидском и мамлюкском Египте и Сирии, Закавказье, Руси, Хорезме и Центральной Евразии, Индии и Китае” (Golden P.B., 1984, p.47). Идентификация П.Голденом пяти главных племенных или надплеменных зон расселения кыпчаков свидетельствует об их дисперсии: Центральный Казахстан; междуречье Волги и Урала; Дон; Днепр; Дунай (Golden P.B., 1990b, p.280). Из-за их преимущественно военной роли, вообще, типичной для тюркских кочевников, Р.Ирвин называет кыпчаков “гурками средневековья” (Irwin R., 1986, p.17).

¹¹ П.Голден заключает, что современными исследованиями степень родства “куманов” и “кыпчаков” пока не прояснена (Golden P.B., 1990b, p.278).

¹² Термин “конфедерация” подразумевает все же более высокую степень единства, чем она была в действительности у кыпчаков, однако замена его термином “надплемя” вряд ли поможет улучшить ситуацию.

¹³ Для знакомства с библиографией вплоть до настоящего времени см.: Halperin Ch.J., 1985, pp.14-20. Обновленная библиография содержится в: Плетнева С.А., 1990, с.66-70, 67, 92-93, 103-104 (матерью Башкорда была русская), 144-145; Noonan T.S., 1992, pp.301-326; Pritsak O., 1982, pp.321-380; Golden P.B., 1990a, pp.33-46; 1990b, pp.277-284; 1991a, pp.52, 65, 68, 71, 77-79, 83, 86, 97-101; 1991b, pp.132-157; 1995-1997, pp.99-122.

Начиная с XI в. и до прихода монголов, кыпчаки имели особенно разнообразные и близкие контакты с Киевской Русью. Торговля заключалась в обмене кыпчакских лошадей, кож и овец на восточнославянские меха, ткани, зерно, ремесленные товары, а также на рабов. Межэтнические браки были так популярны среди княжеских родов, что некоторые русские князья XII в. по крови на 7/8 были тюрками. В то время как браки Рюриковичей с кыпчакскими женщинами (которые обычно принимали православие) были нормой, зафиксирован всего один случай, когда русская княжна вышла замуж за кыпчакского хана. В междоусобных войнах Рюриковичей кыпчаки вступали в союз с одними князьями против других, а коалиции русских князей время от времени совершали походы в степь против кыпчаков. Киевляне знали кыпчакские племена и роды, их вождей и старейшин по именам и географическому местоположению.

Билингвизм можно было обнаружить по обе стороны линии, разделявшей степь и возделанные области, особенно в княжеских домашних хозяйствах Руси, в которых были кыпчакские женщины, или в пограничных районах, и он, несомненно, создавал условия, способствующие культурному обмену. Кыпчакский устный эпос, в частности, повесть об Атраке и евшан-траве, зафиксирован в древнерусских летописях. Неудачный поход князя Игоря Святославовича Новгород-Северского в 1185 г против кыпчаков запечатлен в знаменитом “Слове о полку Игореве”. Русь заимствовала у кыпчаков оружие (сабли, тугие луки) и конское снаряжение (седла и стремена). Половцы были главным иноплеменным фактором в истории Киевской Руси, действовавшим более продолжительно, чем любой другой тюркский или иной степной народ¹³.

Кыпчаки, разумеется, не могли полностью остаться вне византийской орбиты. В XI в. император Алексей Комнин предоставлял кыпчакам статус федератов или нанимал их, используя в 1091 г против печенегов. Он расселил некоторых из них на Балканах и, возможно, назначил определенное жалование. Несмотря на этот союз, кыпчаки продолжали нападать на Византийские Балканы в течение 60 гг XII в. (Ostrogorsky G., 1968, pp.366-367, 370; Irwin R., 1986, p.16; Pritsak O., 1991, pp.563-564).

Не менее заметным было кыпчакское влияние на Кавказе. Грузинский царь Давид II, который был женат на половчанке, пригласил поселиться Атрака с 40000 воинов (возможно, около 200000-225000 человек) в Грузии, где они составили часть регулярной армии. Многие кыпчаки там христианизировались и огузинились. Однако, когда давление Руси на их родные причерноморские степи ослабло, многие из них туда вернулись; другие позже перебрались в Восточную Анатолию. В кон. XII в. при царице Тамаре кыпчаки оставались важным звеном грузинской политики. Кубасар сохранил лояльность Багратидской династии и помог Георгию III подавить восстание в 1177 г, в то время как визирь-казначей Кутлу Арслан поддержал аристократическую оппозицию. Грузинские кыпчаки, из тех, что не вернулись в степи, боролись против кыпчакских элементов, находившихся на службе во враждебных Грузии мусульманских государствах в Азербайджане. Кыпчак-гулям Иль-Денгиз (1133-1172 гг) даже основал свою собственную, правда, недолго просуществовавшую династию, вассальную Сельджукидам. У азербайджанского поэта XII в. Низами была кыпчакская жена. Все эти кавказские кыпчаки позже были рассеяны Джэбэ и Субэдэем, а потом неумоимо борющимися с монголами Джалал ад-Дином, прежде чем были включены в Чингизидскую Империю. Некоторые из них, возможно, внесли вклад в формирование более поздних мусульманских народов Кавказа. Армяне, бежавшие от Сельджукидов, основали колонию в Крыму, там они, в конечном счете, заимствовали кыпчакский тюркский язык и, будучи в польском и украинском изгнании, оставили богатую армяно-кыпчакскую литературу (Golden P.V., 1984, pp.50-86; 1983, pp.59-61, 56, n.37; Плетнева С.А., 1990, с.140).

Кыпчаки также оставили след в истории Средней Азии, в частности, Хорезма – то как объект религиозных войн, то как политические союзники, предоставляющие военную помощь, наемные отряды или гулямов. Первое упоминание о кыпчаках относится к 1032 г, последнее – к кануну вторжения монголов, около 1216 года. В конечном счете, их центр Сыгнак был включен в империю Хорезмшахов. Кыпчаки достигли наиболее выдающегося положения в правление Текеша (умер в 1200 г), отца Мухаммеда, шаха Хорезма, вызвавшего гнев Чингиз-хана. Кыпчаки *per se* посягали только на окраину мусульманской Средней Азии, хотя как элементы конфедерации канглы они могут быть обнаружены даже на Средней Сырдарье,

но влияние огузов здесь далеко превосходило влияние кыпчаков (Barthold W., 1977, pp.179, 296, 320, 328, 330, 340-341, 342-344, 349, 356-358, 369-371).

В XII в. кыпчакские контингенты поступали на военную службу в Делийский султанат в качестве гулямов. К ним присоединилось большое количество кыпчаков, бежавших от монголов. Группа кыпчаков из Афганистана, численностью, предположительно, 30000, некоторое время управляла Делийским султанатом (Golden P.V., 1986, pp.26-28).

Кыпчакская орда под предводительством Котьяна, возможно, около 40000 воинов (эта цифра может быть преувеличенной, другие расчеты позволяют говорить о 17000-20000 семейств), бежала от монголов после битвы на р.Калка в 1223 г в Венгрию**; здесь кыпчаки оказались вовлеченными в конфликт между королем Белой IV и аристократией, к тому же их стада потравили посевы венгерских крестьян. Это переселение было логичным в ряду предшествующих венгерско-кыпчакских контактов. В 1085 г Каломан женился на дочери кыпчакского хана Кутеска и использовал помощь кыпчаков для нападения на своего кузена, Ладислава Святого. Каломан потерпел поражение, и кыпчаки удалились из страны. В 1219 г Мстислав Новгородский привлек кыпчаков к участию в походе против контролируемого венграми Галича. Венгерские миссионеры долго пытались христианизировать кыпчаков. Их первый епископ Павел Венгерский принял мученическую смерть за свое подвижничество. В 1227 г архиепископ Эстергомский Роберт крестил кыпчакского хана Барка, его сына и 15000 их соплеменников. Вскоре после своей интронизации Бела IV принял титул “Король Комании”; вероятно, он имел близкие контакты с кыпчаками Нижнего Подунавья еще в то время, когда был правителем Трансильвании. Кыпчакская иммиграция засвидетельствована в Венгрии множеством топонимов; их присутствие отмечено также массой великолепных археологических памятников (Sinor D., 1959, pp.66-67; Paloczi-Horvath A., 1989, pp.39-61, 68-119; Makkai L., 1990, p.25).

Большое количество кыпчаков после горестного поражения на Калке бежало в Византию. Никейский император Феодор Ласкарис поселил некоторых из них в Малой Азии (Irwin R., 1986, p.17).

Первые контакты монголов и кыпчаков привели к взаимной враждебности. Экспедиционный корпус Джэбэ и Субэдэя, прорвавшийся через

** Прим. переводчика. На самом деле половцы после битвы на Калке не бежали ни в Венгрию, ни, как далее утверждает автор, в Византию. Бегство имело место с началом западного похода, т.е. с 1236 года.

Кавказ, столкнулся с объединенным войском кыпчаков и аланов. Монголы применили обычный кочевнический прием и подкупом отвратили кыпчаков от союза с аланами, пообещав им отдать всю добычу после разгрома аланов. Кыпчаки в первый и последний раз поверили монгольской пропаганде и покинули аланов, позволив монголам разгромить своих союзников. Неожиданно для кыпчаков монголы вместо того, чтобы выполнить свои обещания, напали на них. Побежденные кыпчаки бежали и, в конечном счете, заключили второй союз – с Киевской Русью. Монголы попробовали вновь использовать ту же самую уловку “разделяй и побеждай”, обратившись к киевским князьям со следующими словами:

“Се слышимъ, оже идете противу насъ, послушавше Половцы, а мы вашей земли не заяхомъ, ни городъ вашихъ, ни селъ вашихъ, ни на васъ приходомъ, нъ приходомъ богомъ пущени на холопы и конюси свое на поганья Половче; а вы взмите с нами миръ; аже выбежать къ вамъ, а биите ихъ оттоле, а товары емлите себе; занеже слышахомъ, яко и вамъ много зла створиша; того же дея и мы биемъ” (Новгородская первая летопись ..., 1950, с.62 (полный рассказ на с.61-63)).

Однажды обжегшись на этом дипломатическом гамбите, кыпчаки не допустили, чтобы восточные славяне стали его очередной жертвой. Они убедили их убить монгольских послов, тем самым гарантировав войну, которая, как известно, закончилась победой монголов и заставила кыпчаков бежать в Венгрию и другие страны¹⁴. Кыпчаки, таким образом, несли бремя вины за убийство монгольских посланников. Впрочем, более важно другое: этот текст показывает, что еще прежде, чем кыпчаки попали в поле зрения монголов, они уже были включены в категорию тех, “кто живет в войлочных юртах”, каковыми они, собственно, и были. Поэтому монголы в соответствии с мандатом, данным им Тенгри, считали себя вправе обращаться с кыпчаками как со своими рабами, несмотря на, по меньшей мере, неискренние братские чувства, выраженные накануне возможного сражения с кыпчакско-аланским войском.

Кроме этого, мы имеем другие подтверждения претензий монголов на то, что кыпчаки должны быть их рабами, и что любой, кто пытается помочь им избежать этой судьбы, *ipso facto* становится врагом монголов. Подтверждение этому содержится в письме Бату к королю Венгрии Беле IV, сохранившемся в послании к епископу Перузы, папскому легату в Венгрии, от венгерского доми-

никанского миссионера Юлиана, который посетил понтийскую степь и столкнулся с монголами в 1237 году. Бату осуждает Бела за предоставление убежища кыпчакам, рабам монголов (*Comanos servos nostros sub tua protectionis suscepisti*). По заключению Д.Синора, “причина недовольства монголов была высказана достаточно ясно: предоставление Белой убежища команам, бежавшим от монголов”. Согласно монгольскому ультиматуму, лишь в том случае, если Бела “возвратил” бы беглых кыпчаков их законным правителям, он мог предотвратить вторжение в свое королевство (Sinor D., 1952, pp.591, 593-595; 1959, p.66).

Кыпчаки под властью монголов

В то время как монголы лишь ненадолго оккупировали Венгрию, их завоевание самого “сердца” кыпчакской земли – Причерноморских и Каспийских степей – оказало глубокое и, в конечном счете, решающее влияние на последующую судьбу кыпчаков. Монголы изменили прежний ход кыпчакской истории. Согласно А.М.Хазанову, они завершили постепенное превращение кыпчакской экономики в земледельческо-скотоводческий комплекс с полуоседлым образом жизни, которое началась еще в XII в. (Khazanov A.M., 1978, p.121). Принятие православного христианства и занятие земледелием долго рассматривалось в российской историографии как свидетельство влияния “более развитой” восточнославянской культуры на кочевников. Монголы перекроили этническую карту Центральной и Западной Евразии, фактически ликвидировав независимое существование кыпчакских племен и родов. Как показал Ю.Шамильоглу, произведенное монголами перемещение населения, говорившего на кыпчакских тюркских языках, близких башкирскому, казахскому, киргизскому и ногайскому, на Среднюю Волгу привело к замене близкого чувашскому языка волжских булгар и, в конечном счете, к формированию языка современных казанских татар (Schamiloglu U., 1990, p.41). В.В.Бартольд писал, что после монгольского завоевания кыпчаки “как народ больше не упоминаются” (Бартольд В.В., 1968, с.551 (из статей для *Энциклопедии ислама*)). Однако кыпчаки не исчезли так уж быстро или бесследно. Через некоторое время они вновь жили на своей земле; кроме того, монгольское завоевание создало, по еще одному удачному выражению Р.Ирвина, (новую и гораздо более обширную) кыпчакскую диаспору (Irwin R., 1986, p.17).

¹⁴ Обзор сведений о битве на Калке см.: Halperin Ch.J., 1986, pp.26-54.

Два аспекта распада кыпчакского социума заслуживают особого внимания: во-первых, не вдруг случилось так, что кыпчакские группы лишились автономии или утратили этническое самосознание, этого не произошло, по крайней мере, в тринадцатом столетии, когда они оказались под прямой властью монголов. В самом деле, Д.ДеВииз говорит о “возрастающем сознании ассимиляции и общей идентичности среди кочевого населения” *улуса* Джучидов; отсутствие этнической лояльности между обособленными монголами и кыпчаками доказывается приписыванием Идигею декрета, запретившего татарам продавать своих детей в рабство, что уменьшило количество рабов в Египте и Сирии. Даже если такой запрет как мера исламизации принадлежал хану Джанибеку, это все равно указывает на долговечность кыпчакского этнического сепаратизма в Золотой Орде, сохранявшегося вплоть до 2-й пол.XIV в., если не до рубежа XIV-XV вв. (DeWeese D., 1994, pp.339-340)¹⁵. Во вторых, некоторые спасшиеся бегством группы кыпчаков, избежав прямой власти монголов, временно или постоянно, в большей или меньшей степени оставались активными, хотя, возможно, и второстепенными игроками на политической сцене. Кыпчакской конфедерации никогда не удавалось достичь уровня кочевой империи, “Кыпчакское ханство” никогда не существовало¹⁶, и рассеянные на огромных пространствах кыпчакские семьи, роды и племена не координировали свои действия ни до, ни после монгольского вторжения. Тем не менее, во 2-й пол.XIII в. кыпчаки оставались хорошо заметными на обширных территориях.

В период вторжения монголов в Венгрию присутствие кыпчаков в армии Бату еще более воспламенило аристократическую и простонародную венгерскую оппозицию Котяну и его соплеменникам. Котян, скомпрометированный также своими прежними связями с антивенгерскими восточнославянскими князьями, был убит, что побудило венгерских кыпчаков восстать, разграбить те области Венгрии, в которой они были поселены, и бежать на Нижний Дунай в Болгарию. После отступления армии Бату Бела, чтобы пополнить население своего разоренного королевства и защитить его, купил согласие кыпчаков на возвращение отчасти тем, что женил своего сына Стефана V на дочери Котяна. Многие кыпчаки вернулись в Венгрию. Они пользовались

дарованными королем привилегиями и правами, которые у многих венгров вызвали негодование и которые, вообще-то, предполагали обращение в католичество. Но их закоренелое язычество, интерес к венгерским женщинам, на который венгерские мужчины не могли ответить той же монетой, ибо находили кыпчакских женщин уродливыми, постоянные потравы посевов кыпчакскими стадами вызвали устойчиво-напряженные отношения и бесконечные конфликты. Некоторые кыпчаки вновь эмигрировали в 1280 годах. Сын Стефана V кыпчак Ладислав IV Куман приводил в бешенство венгров своим предпочтением кыпчакского образа жизни. Избегая своей распутной и властной матери, он кочевал с ее кыпчакскими родственниками, одевался подобно кыпчакам и женился на кыпчакской красавице по языческому обряду или, по меньшей мере, взял ее в метрессы (что, впрочем, в равной мере возмущало католиков). Сопrotивление Ладиславу IV привело, в конечном счете, к его убийству кыпчаками, совершенному то ли в результате самообороны, то ли наемным убийцей. Как полноправные граждане кыпчаки могли носить оружие, которое они использовали для поддержки короля. Он, в свою очередь, защищал права и привилегии кыпчаков от венгерских аристократов и землевладельцев, желавших понизить их статус до рабского. Это противостояние кыпчаки, в конечном счете, проиграли. Они продолжали еще служить в венгерской армии на индивидуальной основе на рубеже XIII-XIV вв., пока окончательно не ассимилировались и не исчезли. Однако с 1260 г они, кажется, использовались, главным образом, против других католических государей Центральной Европы. Хотя набеги золотоордынцев на Венгрию периодически повторялись, никаких крупных военных столкновений между Джучидами и кыпчаками-перебежчиками не случилось. В XIV в. венгерские кыпчаки боролись со своими соплеменниками, союзными с валашским воеводой Басарабой; с другой стороны, в 1284 г венгерский король призвал на помощь кыпчаков против собственных подданных. Кыпчаки, несомненно, в значительной мере усиливали анархию и беспорядок в королевстве, что вело, прежде всего, к антагонизму между королем и аристократией (Sinor D., 1959, pp.68-81; Makkaï L., 1990, p.31).

Другие группы беглых кыпчаков тоже сыграли важную роль в истории Балкан XIII века.

¹⁵ С.А.Плетнева датирует завершение процесса ассимиляции монголов кыпчаками сер.XIV в. (Плетнева С.А., 1990, с.186).

¹⁶ Отсутствие “Кыпчакского ханства” у кыпчаков мотивирует мое сдержанное отношение к использованию этого термина; вместе с тем, я отдаю предпочтение термину “Улус Джучидов” перед анахроничным термином “Золотая Орда”. Восточнославянские источники монгольского периода никогда не говорят о “половецком царстве”.

Асенидская и, возможно, Тертеридская династии Второго Болгарского царства имели кыпчакское происхождение. Кыпчаки в Болгарии сформировали аристократию, являлись элитной частью болгарской армии и, вообще, играли заметную и активную роль. Болгария платила дань Ногаю, правителю джучидского улуса, чей сын Чаку взял жену из царской династии и некоторое время правил Болгарией. Наемные кыпчакские и татарские войска защищали Болгарию от османских турок (Halperin Ch.J., 1983, pp.199-200). Г.Роджерс предполагал, что есть связь между присутствием в Болгарии кыпчаков, среди которых были как беженцы непосредственно из причерноморской степи, так и двойные беженцы из Венгрии, и тем неоспоримым фактом, что Болгария была *единственной* страной на востоке Центральной Европы, из которой монголы не ушли полностью после большой европейской кампании 1241-1242 гг; Болгария оставалась государством, платившим дань Золотой Орде (Rogers G., 1996, pp.21-22; Vásáry I., 2005).

Другие кыпчаки вновь направились в Византию искать службы. Считается, что Иоанн III Ватацис расселил в качестве стратиотов во Фракии и Македонии на Балканах и в Малой Азии 10000 беглых кыпчаков. Михаил VIII Палеолог использовал кыпчакских наемников для разгрома латинян в Пелагони в 1259 г, чтобы освободить Константинополь от Латинской Империи, созданной в результате Четвертого Крестового похода (несмотря на неудачный опыт 1256 г, когда кыпчаки бросили византийцев прямо на поле боя и перешли на сторону болгар) (Ostrogorsky G., 1968, p.442; Pritsak O., 1982, pp.563-564; Irwin R., 1986, pp.16-17).

Но все же большинство кыпчаков стали подданными Монгольской Империи в Евразийских степях. Мы знаем кое-что относительно их ассимиляции монголами¹⁷ в Золотой Орде, включавшей самый центр кыпчакских земель – причерноморские и прикаспийские степи. В течение XIV и XV вв. сами монголы постепенно тюркизировались, приняв кыпчакский язык. Современники были весьма хорошо осведомлены об этнической непрерывности на западе Евразийской степи и продолжали называть эту зону Дашт-и Кыпчаком, т.е. Кыпчакской степью. Монголы, готовясь к кампании против восточных славян и Восточной Европы, столкнулись с серьезным сопротивлением кыпчаков, и они, конечно, стремились предотвратить повторение по-

добной ситуации (Allsen T.T., 1983, pp.5-24). По этой причине или же в русле их обычной социальной политики в Степи монголы меняли структуру кыпчакских племен, перемещая их в отдаленные и незнакомые области, преобразовывая их в новые военные, а позже и племенные группировки с монгольскими названиями¹⁸. В течение XIII в. кыпчаки в значительной степени сохраняли свою этническую идентичность и язык. Синаксарион из Судака в Крыму проводит различие между кыпчаками и татарами (= монголами), принимавшими православие, даже еще во 2-й пол.XIV в. (Vásáry I., 1988, pp.260-271). Действительно, как мы уже видели, кыпчаки в глазах Джучидов оставались достаточно дифференцированными от монголов, чтобы продавать их в рабство своим союзникам – египетским мамлюкам.

Кыпчаки проживали также в Улусе Чагатаидов, хотя здесь они никогда не были столь многочисленны, как в Джучидских владениях. По мнению Б.Ф.Манца, на службе у Тимура находилось довольно большое количество кыпчакских эмиров, хотя упоминаний о племени кыпчаков не так уж много, вероятно, потому, что они как подчиненное племя не обладали собственной территорией (Manz B.F., 1989, p.163). Поскольку Хорезм был постоянным объектом соперничества между Джучидами и Чагатаидами, многие кыпчаки могли попасть под власть Чагатаидов. Трудно сказать, насколько присутствие этнонима “кыпчак” среди башкир, узбеков, казахов и каракалпаков отражает этническую непрерывность исконно кыпчакского элемента (Khazanov A.M., 1978, p.123; Shanijazov K., 1978, pp.147, 150-151; Kuzeev R.G., 1978, pp.161-3). Неудивительно, что Тимурид Бабур, в кон.XV – нач. XVI в. описавший в своей автобиографии, как он потерял Среднюю Азию, перешедшую к узбекам, и основал Империю Моголов в Индии, должен время от времени упоминать кыпчакских эмиров, племя кыпчак, “Кыпчакскую дорогу” в Афганистане, “Кыпчакский проход” и “Кыпчакские ворота” в Герате в Хорасане (The Baburnama, 1996, pp.44-45, 63, 168, 288, 280).

Монголы обычно использовали подчиненные народы вдали от их родных мест проживания, таков был стандартный прием включения покорившихся кочевников в “монгольскую” армию. Поэтому нет ничего удивительного в том, что кыпчаки оказались в Монголии очень рано, сразу же после их первого столкновения с монголами. Субэдэй, согласно Юань-ши, вернулся из рекогносцировочной

¹⁷ Я использую слово “монголы” как политический, а не этнический термин, который объединяет все монгольские и тюркские народы, включенные в войско вторжения Бату и оккупационную “армию”.

¹⁸ Об этом процессе см. две классические работы Г.А.Федорова-Давыдова (1966, 1973).

экспедиции, завершившейся сражением на реке Калка, в сопровождении кыпчаков, которых он с разрешения Чингиз-хана включил вместе с меркитами и найманами в новый, специальный корпус (Bretschneider E., 1910, I, p.298). По сообщениям Джувейни и Рашид-ад Дина, в правление Угэдэя кыпчаки появились в Каракоруме.

Очевидно, кыпчак-“язычник” поплатился жизнью за донос Угэдэю на мусульманина, зарезавшего овцу по исламскому обычаю, вероятно, в то время запрещенному. Угэдэй, как считают, любил наблюдать схватки борцов – кыпчаков, монголов и китайцев. Наконец, у сына Толуя Кутукту была кыпчакская наложница Бута Егечи (Aṭā-Malik Juvainī, 1958, pp.206-207; Rashīd al-Dīn, 1971, pp.78, 89, 312).

Кыпчаки широко использовались в Китае в период монгольского владычества. Большинство из них было рекрутировано сюда в 1220 и 1230 гг, их потомки остались в Китае и сохранили свою кыпчакскую этничность. Опираясь только на китайские источники, И. де Рачевилтц идентифицировал много видных кыпчаков, главным образом, военачальников, находившихся на службе в Юаньской империи. Его статистика и хронология демонстрируют длительное присутствие кыпчаков в Китае. В интервале 1200-1259 гг он нашел четырех кыпчаков, из которых один был *даругачи*, т.е. губернатором; в 1260-1294 гг – 12, включая трех даругачи; в несколько сомнительно датированный период 1280-1330 гг – 13, среди них четыре даругачи; в 1295-1368 гг – 15, с восемью даругачи; без определенной датировки – 16; в общей сложности 60 кыпчаков, включая 16 даругачи (de Rachewiltz I., 1983, pp.285, 289, 290-291). Эти данные свидетельствуют о том, что кыпчакский вклад в Юань, как минимум, не уменьшался на протяжении всей истории этой династии в Китае. В 1286 г был сформирован гвардейский кыпчакский полк. Тутука, которому было поручено его формирование, получил право зачислять в полк кыпчаков, находившихся на положении рабов, однако, согласно “Юань-ши”, он превысил свои полномочия и взял в полк также много свободных людей. Это обвинение указывает на то, что “рядовые” кыпчаки в Китае были представлены как рабами, так и свободными. “Печать Кыпчакской Тысячи Имперской Армии” с над-

писями по-монгольски “квадратным” письмом и по-китайски была обнаружена в северо-восточной части Внутренней Монголии, в родовых землях монголов, на территории города, основанного братьями Чингиз-хана и их потомками. В 1322 г гвардейский кыпчакский полк включал 35 “тысяч” и был разделен на правый и левый полки, включавшие, соответственно, восемнадцать и десять “тысяч”. В эти подразделения были назначены преподаватели конфуцианства и монгольского письма. В 1328 г из кыпчакских тюрок было сформировано Главное командование дворцовой службы и императорской армии, в которое в 1330 г было передано девять “тысяч” из левого кыпчакского полка. Этим трем полкам были выделены земли под сельскохозяйственные колонии. Неудивительно, что отдельные кыпчаки в Юаньском Китае достигли выдающегося положения. Тутука предложил создание этнических армий, включавших кыпчаков, карлуков и канглы. Он стал командующим кыпчакской гвардии, эта должность была унаследована его сыном Чонкурмом. Карьеру сделал также второй его сын Темур-Буга, а сын Чонкура, Эль-Темур, далеко превзошел и отца, и деда. Он стал “создателем ханов” и *eminence grise*, тайно руководя удачными переворотами, определявшими династическую последовательность в 1308 и 1328-1330 гг; как канцлер он был самым могущественным человеком в Китае после императора. Подавление кыпчакской придворной клики в 1335 г покончило с господством Эль-Темура, но не с кыпчакским присутствием в Китае. Действительно, минские декреты 1397 г, разрешающие китайцам жениться на кыпчакских женщинах, описываемых как синеглазые блондинки, и пытающиеся регулировать чуждые китайцам брачные обычаи кыпчаков, такие как левират, дают основание предполагать, что группа этнических кыпчаков пережила ниспровержение Юаньской династии (Golden P.B., 1986, pp.8-12; Farquhar D.M., 1990, pp.272-273; Kessler A.T., 1993, pp.165, 167, Fig.114; Serruys H., 1957, p.184 n.132; 1959, p.55, n.61, pp.172-175)¹⁹. Согласно содержащейся в Юань-ши биографии Тутука, в императорский дворец из Кыпчакской степи доставлялось молоко черных кобылиц (кумыс) из-за его особенно приятного вкуса (Bretschneider E., 1910, I, p.94, n.244).

¹⁹ Э.Бретшнейдер цитирует пассаж из китайской летописи “Kang mu” под 1237 г, свидетельствующий, что кыпчаки были голубоглазыми и рыжеволосыми (Bretschneider E., 1910, II, p.72).

С.А.Плетнева описывает судьбу кыпчаков после монгольского завоевания, но не упоминает о кыпचाках в Китае (Плетнева С.А., 1990, с. 179-188).

Кыпчаки и Ильханат

Когда Ильханиды столкнулись с преимущественно кыпчакскими мамлюкскими силами в Египте и Сирии, это, вероятно, было похоже на то, как если бы перед уже разъяренным быком начали махать красными флагами. Кыпчаки, можно сказать, по определению являлись рабами монголов, и их сопротивление считалось мятежом²⁰. Кроме того и сверх того, эти кыпчаки происходили, хотя и невольно, из Золотой Орды, свирепого единокровного конкурента Ильханов²¹. Монголы Ильханата, конечно же, признавали в мамлюкских кыпчаках тот же самый народ, который составлял большую часть демографических ресурсов Золотой Орды. Ильханы также знали их как военных наемников вассальных Ильханидам государств на Кавказе. Главные контакты Ильханата с католическим миром осуществлялись через государства крестоносцев и их покровителей, включая Папу, но не через Венгрию, а ближайшим балканским соседом Ильханата была Византия, игравшая в Малой Азии роль канала связи между Золотой Ордой и мамлюками. Поэтому маловероятно, чтобы ильханидские монголы хотя бы окольным путем знали о кыпчакском присутствии в Венгрии и на Балканах. Отношения между Ильханатом и Юаньской империей в это время были особенно тесными, так как Хулагу поддержал Хубилая против Арик-Буги и признавал, по крайней мере, символически, зависимость Ильханата от Юаньского кагана. Ильханиды сохранили под юаньским контролем свои феодальные владения в Китае и Монголии, посылали в Юань дань и в ответ принимали императорских послов, несторианских монахов и чингизидских принцесс. Несмотря на огромные расстояния, оживленные отношения между Ильханами и Юанем создавали реальную возможность достаточной осведомленности Ильханов о роли кыпчаков в Китае. Лояльность кыпчаков государствам-преемникам Монгольской империи еще больше подчеркивала нахальство египетских мамлюкских кыпчаков, препятствовавших экспансии Ильханидов.

Мамлюкско-ильханидские отношения осложнялись двумя дополнительными факторами.

Сначала, невзирая на то, что монголы предстали в роли нечестивых губителей ислама, мамлюки уважали Ильханат и заимствовали монгольские институты и обычаи. К сожалению, наиболее выразительный случай такого влияния был описан в двух статьях Н.Поляка (Poliak N.A., 1935, pp.231-248; 1940-1942, pp.862-876), “дезинформированного гения”, по определению Д.Айалона (Ayalon D., 1985, p.16), так что теперь необходимо отделять исторические факты от фантазий на тему этих фактов. Н.Поляк, как известно, доказывал, что Мамлюкский султанат был вассалом Золотой Орды, утверждая, что сын Бейбарса был назван в честь золотоордынского хана Берке, его бабушки по матери, что мамлюкские султаны носили титул хана, и что ханы Золотой Орды посылали Египту подкрепление. Эти и аналогичные им утверждения должны быть отклонены. Если имя Берке-хана читалось первым в пятничной *хутбе* в Каире и в других местах, это было временной дипломатической любезностью, имевшей место в период приема золотоордынских посольств и переговоров, во всех других случаях сначала произносилось имя Бейбарса. Сын Бейбарса был назван именем хорезмийца и являлся единственным мамлюкским султаном, носившим титул хана. Так называемым золотоордынским подкреплением были либо джучидские отряды, убежавшие из Ирана в Египет, либо ильханидские перебежчики, о которых мы еще будем говорить²². С другой стороны, Д.Айалон отвергает противоположную крайнюю позицию Э.Тиана, в соответствии с которой монголы, никогда не захватывавшие Египет и лишь недолго управлявшие Сирией, вообще не имели никакого влияния на мамлюков (Ayalon D., 1973, p.120, n.2).

Султан Бейбарс являлся, что очевидно, большим поклонником монголов. Возможно, именно он перенял многие институты и обычаи монголов. Но Д.Айалон выражает в этом отношении большой скептицизм. Он признает заимствование только питья кумыса, употребления в пищу конского мяса²³, использования палаточных мечетей и ношения некоторых типов монгольского платья. То, что султанат скопировал введение почтовой службы (*барид*) с монгольского *яма* (*yam*), Д.Айалон

²⁰ В отношении Улуса Джучидов египетские мамлюки кыпчакского происхождения, разумеется, не были мятежными, скорее, наоборот – весьма похвальным образом повинующимися законной монгольской власти.

²¹ Султан ал-Насир Мухаммед ибн Калавун (1310-1341 гг) даже ухитрился ненадолго жениться на джучидско-чингизидской принцессе Тулунбие после нескольких неудачных миссий в Золотую Орду в поисках невесты (Irwin R., 1986, p.108).

²² В числе прочих работ см. наиболее обстоятельную критику точки зрения Н.Поляка, изложенную у Д.Айалона (Ayalon D., 1972b, pp.136-156).

²³ Неужели молодые люди должны были обязательно вырастать кыпчаками в Понтийских и Каспийских степях для того, чтобы “заимствовать” обычаи пить кумыс и есть конину? Я обязан этим вопросом Девину ДеВиизу.

считает не окончательно доказанным. Мамлюки, возможно, заимствовали у Ильханата *тарханство*, предоставление финансового и судебного иммунитета (часто с предоставлением земли, *икта*); в исключительных случаях ильханидским посланникам к мамлюкам предоставлялось тарханство обеими сторонами. Однако Д.Айалон подчеркивает существенные изменения в заимствованном тарханстве. В конечном счете, мамлюки характеризовали монголов, “татар”, как другую ветвь той же тюркской расы, к которой принадлежали сами кыпчаки (Ayalon D., 1954, pp.68-69; 1963, pp.47-52; 1968, pp.323-324; 1971a, pp.300-301; 1972a, pp.29-33; 1972b, pp.130-136).

После скрупулезного изучения ссылок в мамлюкских источниках на *Ясу* Чингиз-хана Д.Айалон серьезно пересмотрел свое прежнее отношение к нескольким известным пассажам, которые подчеркивали влияние монголов на Султанат. Ал-Макризи, последний мамлюкский летописец (1364-1442 гг), сообщает, что мамлюкские чиновники еще в его время судили гражданское население в делах, находящихся в сфере мусульманского религиозного права (шариата), на основе сатанинской, деспотической и незаконной *Ясы* Чингиз-хана, которая противоречит шариату и к которой вообще нельзя никогда обращаться. Н.Поляк и ранний Д.Айалон с доверием восприняли мнение, что споры между самими мамлюками разрешались без возражений на основе *Ясы*. Но теперь Д.Айалон сомневается, что в Султанате существовал свободный доступ к *Ясе* в подлиннике или на любом ином языке, и рассматривает этот пассаж как риторическое излишество в критике имевшего место административного нажима чиновников на *кадиев*, который, конечно же, не имел ничего общего с использованием *Ясы*²⁴. Точно так же Д.Айалон отказывается в доверии свидетельству ал-Тагрибирди, что Утамыш или Айтамыш (о котором подробнее ниже) судил своего телохранителя на основе *Ясы*, потому что

это свидетельство – искаженный плагиат из ал-Сафади, который, вообще-то, писал, что Утамыш читал биографию Чингиз-хана, но не *Ясу* (Ayalon D., 1973, pp.131-40)²⁵. В этой связи полезно отметить, что, по сообщению, к сожалению, позднего источника, единственным мусульманским правителем монголов, признававшим несовместимость монгольского и мусульманского религиозного закона, был чагатаидский хан Тармаширин (Ayalon D., 1971c, pp.178-180). В послании ильхану Абаге в 1269 г Бейбарс отстаивал превосходство мамлюкской *Ясы* (здесь, очевидно, он имел в виду шариат) над *Ясой* Чингиз-хана, которую расхваливал Абага (Ayalon D., 1973, pp.129-130). Поэтому Д.Айалон отклоняет возможность влияния *Ясы* в Султанате, кроме, может быть, самого эфемерного и поверхностного. Дальнейшие исследования, возможно, прояснят, почему поздние мамлюкские историки имели склонность к необоснованным интерполяциям и приписыванию влияния монголов на ранних мамлюков, тем более, что, как указывает Д.Айалон, к тому времени, когда писали эти историки, Ильханат переживал очень тяжелые времена²⁶.

Во-вторых, в мамлюкском Египте все же имелись монголы. Среди них были монголы, служившие в мамлюкском войске; они были куплены как немусульманские рабы или военнопленные и затем введены в состав элиты. Их ценили за лингвистические навыки и обладание полезной информацией, но они не оказали никакого влияния на этническую или культурную идентичность корпуса. Например, Утамыш, монгол-раб, купленный как мамлюк за его знание монгольского языка, обычаев и политики, направлялся в качестве египетского посланника в Ильханат в первые три десятилетия XIV века. Д.Литтл идентифицировал четырех монголов-мамлюков, которые знали “татарский” язык, под которым могли пониматься монгольский, кыпчакский или оба эти языки, и которые служили

²⁴ Об этом пассаже: Ayalon D., 1971b, pp.97-140, особенно pp.105-106; опровержение ал-Макризи: Ayalon D., 1973, pp.107-27.

²⁵ Что за “биографию” Чингисхана, хотя бы и написанную по-монгольски, кто-то мог *читать* на Среднем Востоке в это время? Определенно, не “Тайную историю”! В Ильханате Рашид ад-Дину не было позволено *читать* “Алтан Дебтер” (“Золотую книгу”); мог ли Утамыш в Султанате иметь доступ к тексту, который оказался недоступен даже Рашид ад-Дину? (Об отличии “Алтан Дебтер” от “Тайной истории” см.: Morgan D.O., 1990, pp.11-12.) Версия происхождения Чингисхана, сохранившаяся у Ибн-Давадари, имеет признаки устной традиции (Haarmann U., 1997, S.121-138).

²⁶ Д.Литтл приводит доводы в пользу взаимного проникновения влияний и институтов между Султанатом и Ильханатом через эмигрантов, что, в частности, свидетельствуется движением тех же самых эмигрантов (Little D.P., 1970, pp.118-136, особенно на с. 127-128). Р.Ирвин (Irwin R., 1986, pp.52-53) занимает позицию, близкую поздним воззрениям Д.Айалона, как и П.Торау (Thorau P., 1992, pp.256-258, 261). П.Торау даже не упоминает монголов в качестве возможного источника почтовой службы, в которой он видит лишь возрождение ранних мусульманских учреждений (Thorau P., 1992, pp.103-105).

“монгольскими” переводчиками. Конечно, этой четверкой не исчерпывался весь список говоривших на монгольском языке²⁷. В целом, мамлюков монгольского происхождения было немного. Более многочисленными были монголы из тех, что пытались найти убежище в Египте. Первыми монголами, попавшими в Египет, были контингенты, посланные Берке на помощь Хулагу; когда между двумя монгольскими ханствами вспыхнула война, Берке велел своим отрядам выбираться из Ирана, и некоторые из них сумели уйти в Египет. При Бейбарсе в 1262 г. прибыло 200 конных монголов, в 1263 г. – более 1300 и еще больше в 1264 году. В правление Бейбарса в Египет прибыли, в общей сложности, 3000 монголов. После этого приток монголов существенно замедлился: 19 – в 1304 г., 300 – в 1313 году. Р.Ирвин называет Бадр ад-Дина Джанбала, прибывшего в 1303 г. последним крупным монгольским иммигрантом; он стал эмиром сотни, а его дочь вышла замуж за сына султана. Некоторые из этих монголов сделались султанскими мамлюками, но подавляющее большинство отказалось от подобной карьеры. Монголы как свободные наемники ценились выше чем туркмены, курды или бедуины; многие из них поселились в Каире, многие служили мамлюкскими эмирами, многие породнились с мамлюками, но больше всего монголов служило в *халга* – военных единицах, имевших более низкий статус вследствие того, что входившие в них воины попали в Египет как рабы-немусульмане и только здесь были приобщены к исламу и обучены как мамлюки. *Халга* находились также в службе у эмиров, что, естественно, давало еще меньше возможностей для продвижения по службе и не позволяло конкурировать в этом с мамлюками султана. Но, по всей видимости, из монголов, поступивших в султанские мамлюки, происходил султан Китбуга. В начале 1297 г. Тургай, зять сына Хулагу Менгу-Тимура, привел 10000 или 18000 ойратов из Ильханата в Египет и был тепло принят и обласкан Китбугой. Многие мамлюки женились на ойратских женщинах. Но эти ойраты не стали рабами, и мамлюки были оби-

жены фаворитизмом Китбуги. Когда он попытался предоставить ойратским вождям статус, равный статусу мамлюкских эмиров, мамлюки отчасти по этой причине свергли Китбугу, а затем подавили восстание Тургая, казнив его и других ойратских вождей. Никому не было позволено угрожать устоям мамлюкской державы. Когда 16 монгольских командиров перешли на сторону Султаната, они были назначены на Палестинское побережье, далекое от столичного Каира, и более никаких известий о них не сохранилось. Несколько больше монголов пересекало границу в голодные годы, случавшиеся на Ильханидской территории. Монголы редко достигали чина выше “эмира сорока”, хотя после того, как угроза численного превосходства ойратов Тургая исчезла, некоторых монголов сделали “эмирами сотни”. Но те монголы, которые прибыли в Султанат как почетные граждане или мусульмане, если исключить специальные ухищрения (которые в иных случаях бывали), не могли стать мамлюками, и поэтому не имели шансов пробиться в элиту, которая в протяжении всего периода мамлюкско-ильханидской войны оставалась исключительно кыпчакской²⁸. В действительности, конечно, трудно различить среди кыпчаков и других тюрков тюркизированных монголов или “чистых” монголов среди рабов, купленных на территории Золотой Орды и предназначенных в мамлюки (Ayalon D., 1972b, pp.117-130). Д.Айалон пришел к выводу, что поздние мамлюкские историки преувеличили как количество, так и степень влияния монгольских иммигрантов в Египте, что составляло неотъемлемую часть их сомнительных представлений о применении *Ясы* в Султанате.

Ильханат, вероятно, не был безразличен к заимствованию мамлюками монгольских учреждений. Присутствие монгольских эмигрантов в Египте могло бы только упрочить отношения между двумя государствами²⁹. Однако независимо от того, сколько монголов служило мамлюкским султанам Египта, мамлюкские кыпчаки сохраняли полную монополию на власть на протяжении всего времени существования Ильханата, и лица мамлюков, кото-

²⁷ Один из этих четверых – Кусун, прибывший в Каир в 1330 г. и умерший в 1349 г., отвечал за переписку с Золотой Ордой; возможно, он был не эмигрантом, а командированным в Египет джучидским чиновником, и наоборот, эмир Кипгак, который тоже говорил по-монгольски, не захотел работать переводчиком (Little D.P., 1979, pp.387-401) (страницы 399-400 поражают меня непоследовательностью представлений Д.Литтла о влиянии монголов на мамлюков, не согласующихся с теми, что процитированы в предыдущем примечании).

²⁸ Ayalon D., 1951, pp.89-104 (эта статья содержит другой вариант опровержения теории Н.Поляка, будто мамлюки были вассалами Золотой Орды); Irwin R., 1986, p.108.

²⁹ Имел место также небольшой приток мамлюков в доисламский Ильханат (Ayalon D., 1972b, p.136, n.1). Биографию Карасункура, который, возможно, ввел мамлюкские учреждения в Ильханате, см. у: Little D.P., 1979, pp.100-136; о Сункаре, мамлюкском пленнике, женившемся на монгольской девушке по имени Кипджак, который дезертировал, сражался в рядах монголов против мамлюков, а позже вновь дезертировал, и Карасункуре: Irwin R., 1986, pp.66, 99-101, 106.

рые видели ильханидские монголы во время сражений в Сирии, были определенно кыпчакскими.

Ильханат не оставлял попыток овладеть Сирией именно потому, что ее правители были кыпчакскими мамлюками. И этот феномен, конечно, дает разумное объяснение таким действиям, согласующимся с элементами монгольской имперской идеологии, которые, вероятно, и вызвали то упорство, с которым Ильханиды отказывались признавать, что у них недостает сил поставить Сирию под свой контроль. Наконец, кыпчакский фактор в мамлюкско-ильханидских отношениях фокусирует внимание на усилившемся влиянии кыпчаков после их завоевания монголами на

судьбы других евразийских народов от Китая до Венгрии. Когда монголы мобилизовали многочисленное кыпчакское население на имперском уровне, чего сами кыпчаки никогда не смогли достичь своими собственными силами, они в определенной степени увеличили кыпчакское военное и политическое влияние в Евразийской степи, как внутри, так и за пределами *Pax Mongolica*. Есть некоторая ирония в том, что кыпчаки, давшие монголам повод для вторжения в восточнославянские земли и Венгрию, обеспечивавшие кадрами войска и чиновный аппарат Джучидов и Юань, одновременно явились той силой, что предотвратила дальнейшее продвижение Ильханидов на Ближний Восток.

Литература и архивные материалы

- Бартольд В.В.**, 1968. Кыпчаки// Сочинения. Т.V. М.
- Новгородская первая летопись** старшего и младшего изводов, 1950/ под ред. А.Н.Насонова. М.; Л.
- Плетнева С.А.**, 1990. Половцы. Л.
- Тизенгаузен В.Г.**, 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.I. СПб.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.
- Allsen T.T.**, 1983. Prelude to the Western campaign: Mongol military operations in the Volga-Ural region, 1217-1237// *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 3.
- Amitai-Preiss R.**, 1995. *Mongols and Mamluks: The Mamluk-Ilkhanid War, 1260-1281*. Cambridge.
- Aṭā-Malik Juvainī**, 1958. *The History of the World Conqueror*/ transl. by J.A.Boyle. Manchester.
- Ayalon D.**, 1949. The Circassians in the Mamluk Kingdom// *Journal of the Royal Asiatic Society*. 69.
- Ayalon D.**, 1951. The Wafidiya in the Mamluk Kingdom// *Islamic Culture*. Hyderabad.
- Ayalon D.**, 1954. Studies on the structure of the Mamluk army// *BSOAS*. 16.
- Ayalon D.**, 1963. The European-Asiatic Steppe: a major reservoir of power for the Islamic world// *Proceedings of the 25th Congress of Orientalists (Moscow, 1960)*. V. II. Moscow.
- Ayalon D.**, 1968. The Muslim city and the Mamluk military aristocracy// *Proceedings of the Israel Academy of Sciences and Humanities*. 2.
- Ayalon D.**, 1971a. On one of the works of Jean Sauvaget// *Israel Oriental Studies*. I.
- Ayalon D.**, 1971b. The Great Yasa of Chingiz Khan. A re-examination. The basic data in the Islamic sources on the Yasa and its contents// *Studia Isiamica*. 33.
- Ayalon D.**, 1971c. The great Yasa of Chingiz Khan. A re-examination. The attitude of the Mongols, and particularly of the Mongol Royal family, to the Yasa// *Studia Islamica*. 34.
- Ayalon D.**, 1972a. Discharges from service, banishments and imprisonment in Mamluk Society// *Israel Oriental Studies*. 2.
- Ayalon D.**, 1972b. The Great Yasa of Chingiz Khan. A re-examination. The position of the Yasa in the Mamluk Sultanate. C₁// *Studia Islamica*. 36.
- Ayalon D.**, 1973. The great Yasa of Chingiz Khan. A re-examination. Al-Maqrizi's passage on the Yasa under the Mamluks (C₂)// *Studia Islamica*. 38.
- Ayalon D.**, 1975. Names, titles, "nisbas" of the Mamluks// *Israel Oriental Studies*. V.
- Ayalon D.**, 1977. The eunuchs in the Mamluk sultanate// *Studies in memory of Gaston Wiet*. Jerusalem.
- Ayalon D.**, 1985. Regarding population estimates in the countries of medieval Islam// *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 28.

- Ayalon D.**, 1988. The auxiliary forces of the Mamluk Sultanate// *Der Islam*. 65.
- Barthold W.**, 1977. *Turkestan down to the Mongol Invasion*. Philadelphia.
- Berend N.**, 1998-1999. *Imitation Coins and Frontier Societies: The Case of Medieval Hungary*// *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 10.
- Boyle J.A.**, 1959. The Mongols in Europe// *History Today*. 9/5.
- Bregel Yu.**, 1991. *Turko-Mongol influence on Central Asia// Turko-Persia in historical perspective/* ed. by R.L.Canfield. New York.
- Bretschneider E.**, 1910. *Medieval researches from eastern Asiatic sources*. 2 vols. London.
- DeWeese D.**, 1994. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. University Park, Penn.
- D'Ohsson C.**, 1834. *Histoire des Mongols depuis Tchinguiz Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlin*. III. Le Haye; Amsterdam.
- Farquhar D.M.**, 1990. *The government of China under Mongolian Rule. A reference guide*// *Münchener ostasiatische Studien*. Band 53. Stuttgart.
- Golden P.B.**, 1983 *The Turkic peoples of the Caucasus// Transcaucasia. Nationalism and social change. Essays in the history of Armenia, Azerbaijan, and Georgia/* ed. by R.G.Suny. Ann Arbor, Mich.
- Golden P.B.**, 1984. *Cumanica I: The Qipčaq and Georgia*// *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 4.
- Golden P.B.**, 1986. *Cumanica II: The Ölberli (Ölperli): the fortunes and misfortunes of an Inner Asian nomadic clan*// *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 6.
- Golden P.B.**, 1990a. *Cumanica III: Urusoba// Aspects of Altaic civilization. III/* ed. by D.Sinor. Indiana University Uralic and Altaic Series. V.145. Bloomington, Ind.
- Golden P.B.**, 1990b. *The peoples of the South Russian steppe// The Cambridge History of Early Inner Asia/* ed. by D.Sinor. Cambridge.
- Golden P.B.**, 1991a. *Aspects of the nomadic factor in the economic development of Kievan Rus'// Ukrainian economic history. Interpretive essays/* ed. by L.S.Koropecykj. Cambridge, Mass.
- Golden P.B.**, 1991b. *The Qipčaq of medieval Eurasia: an example of stateless adaptation in the steppes// Rulers from the steppe: state formation on the Eurasian periphery/* ed. by G.Seaman, D.Marks. Los Angeles.
- Golden P.B.**, 1992. *An introduction to the history of the Turkic peoples. Ethnogenesis and state-formation in medieval and early modern Eurasia and the Middle East// Turcologia*. Band 9. Wiesbaden.
- Golden P.B.**, 1995-1997. *Cumanica IV: the tribes of the Cuman-Qipčaq*// *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 9.
- Haarmann U.**, 1997. "Grosser Vater Mond" und "Schwarzer Löwenjunge" – eine mongolisch-kiptschakische Ursprungssage in arabischer Überlieferung// *Die Mongolen in Asien und Europa/* ed. by S.Conermann, J.Kusber. Kieler Werkstücke, Reihe F: Beiträge zur osteuropäischen Geschichte. Band 4. Frankfurt am Main.
- Halperin Ch.J.**, 1983. *Bulgars and Slavs in the First Bulgarian Empire: a reconsideration of the historiography*// *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 3.
- Halperin Ch.J.**, 1985. *Russia and the Golden Horde: the Mongol impact on medieval Russian history*. Bloomington, Ind.
- Halperin Ch.J.**, 1986. *The Tatar Yoke*. Columbus, OH.
- Halperin Ch.J.**, 1998. *Russo-Tatar relations in Mongol context*// *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 51/3.
- Irwin R.**, 1986. *The Middle East in the middle ages: the early Mamluk Sultanate, 1250-1382*. Carbondale, Ill.
- Islam**. *From the Prophet Muhammed to the capture of Constantinople, 1987*. Vol.1. Politics and war/ ed. and trans. by B.Lewis. New York.
- Jackson P.**, 1978. *The dissolution of the Mongol Empire*// *Central Asiatic Journal*. 22.
- Kessler A.T.**, 1993. *Empires beyond the Great Wall. The heritage of Genghis Khan*. Los Angeles.
- Khazanov A.M.**, 1978. *Characteristic features of nomadic communities in the Eurasian steppe*// *The Nomadic Alternative. Modes and models of interaction in the African-Asian deserts and steppes/* ed. by W.Weissleder. The Hague.
- Kuzeev R.G.**, 1978. *Historical stratification of generic and tribal names and their role in the ethnogenetic study of Turkic peoples of Eastern Europe, Kazakhstan, and Central Asia*// *The Nomadic Alternative: Modes and Models of Interaction in the African-Asian Deserts and Steppes*. The Hague; Paris.

- Little D.P.**, 1970. An introduction to Mamluk historiography. An analysis of Arabic annalistic and biographical sources for the reign of al-Malik an-Nasir Muhammed ibn Qala'un// *Freiburger Islamstudien*. Band II. Wiesbaden.
- Little D.P.**, 1979. Notes on Aitamyš, a Mongol Mamluk// *Die Islamische Welt zwischen Mittelalter und Neuzeit*. Festschrift für Hans Robert Roemer zum 65. Geburtstag/ ed. by U.Haarmann, P.Bachmann. Beirut.
- Loewe H.M.J.**, 1936. *The Mongols*// *Cambridge Medieval History*. IV. Cambridge.
- Makkai L.**, 1990. Chapter IV. Transformation into a Western-type State, 1196-1301// *A history of Hungary*/ ed. by P.Sugar. Bloomington, Ind.
- Manz B.F.**, 1989. *The rise and rule of Tamerlane*. Cambridge.
- Morgan D.O.**, 1985. *The Mongols and Syria, 1260-1300*// *Crusade and settlement*. Papers read at the First Conference of the Society for the Study of the Crusades and the Latin East and presented to R.C.Small/ ed. by P.W.Edbury. Cardiff.
- Morgan D.O.**, 1990. *The Mongols*. Oxford.
- Noonan T.S.**, 1992. Rus', Pechenegs, and Polovtsy: economic interaction along the steppe frontier in the pre-Mongol Era// *Russian History*. 19/1-4.
- Ostrogorsky G.**, 1968. *History of the Byzantine State*/ trans. by J.Hussey. Oxford.
- Paloczi-Horvath A.**, 1989. Pechenegs, Cumans, Iasians: steppe people in medieval Hungary. Budapest.
- Poliak N.A.**, 1935. Le caractère colonial de l'État mamelouk dans ses rapports avec le Horde d'Or// *Revue des Études islamiques*. 35/3.
- Poliak N.A.**, 1940-1942. The influence of Chingiz Khan's Yasa upon the general organization of the Mamluk State// *BSOAS*. 10.
- Pritsak O.**, 1982. The Polovcians and Rus'// *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2.
- Pritsak O.**, 1991. Cumans// *Oxford Dictionary of Byzantium*/ ed. by A.Kazhdan. Vol.1. New York.
- de Rachewiltz I.**, 1983. Turks in China under the Mongols: a preliminary investigation of Turco-Mongol relations in the 13th and 14th centuries// *China among equals: the Middle Kingdom and its neighbors, 10th-14th centuries*/ ed. by M.Rossabi. Berkeley, Cal.
- Rashid al-Din**, 1971. *The Successors of Genghis Khan*/ transl. by J.A.Boyle. New York; London.
- Rogers G.**, 1996. An examination of historians' explanations for the Mongol withdrawal from east Central Europe// *East European Quarterly*. 30/1.
- Schamiloglu U.**, 1990. The formation of a Tatar historical consciousness; Şihabäddin Märçani and the image of the Golden Horde// *Central Asiatic Survey*. 9/2.
- Shanijazov K.**, 1978. Early elements in the ethnogenesis of the Uzbeks// *The Nomadic Alternative: Modes and Models of Interaction in the African-Asian Deserts and Steppes*. The Hague; Paris.
- Schütz E.**, 1991. The decisive motives of Tatar failure in the Ilkhanid-Mamluk fight in the Holy Land// *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 45.
- Serruys H.**, 1957. Remains of Mongol customs in China during the Early Ming// *Monumenta Serica*. XVI. Nagoya.
- Serruys H.**, 1959. The Mongols in China during the Hung-wu period (1368-1398)// *Mélanges chinois et bouddhiques*. Vol.XI. Bruxelles.
- Sinor D.**, 1952. Un voyageur du treizième siècle: le Dominicain Julien de Hongrie// *BSOAS*. 14.
- Sinor D.**, 1959. *History of Hungary*. New York.
- Sinor D.**, 1972. Horse and pasture in Inner Asia// *Oriens Extremis*. 19.
- Sinor D.**, 1989. Diplomatic practices in medieval Inner Asia// *The Islamic world from classical to modern times: essays in honor of Bernard Lewis*/ ed. by C.E.Bosworth, Ch.Issawi, R.Savory, and A.L.Udovich. Princeton, NJ.
- Smith J.M.**, 1984. Ayn Jalut: Mamluk success or Mongol failure?// *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 44/2. December.
- Sweeney J.R.**, 1994. "Spurred on by the fear of death": refugees and displaced population during the Mongol invasion of Hungary// *Nomadic diplomacy, destruction and religion from the Pacific to the Adriatic*/ ed. by M.Gervers, W.Schlepp. Toronto Studies in Central and Inner Asia. No.1. Toronto.
- The Baburnama**: memoirs of Babur, prince and emperor, 1996/ ed. and trans. by W.M.Thackston. New York.
- Thorau P.**, 1985. The battle of 'Ayn Jalut: a reexamination// *Crusade and settlement*/ ed. by P.W.Edbury. Cardiff.

- Thorau P.**, 1992. *The Lion of Egypt: Sultan Baybars I and the Near East in the Thirteenth century*/ trans. by P.M.Holt. London.
- Vásáry I.**, 1988. Orthodox Christian Qumans and Tatars of the Crimea in the 13th and 14th centuries// *Central Asiatic Journal*. 32.
- Vásáry I.**, 2005. *Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans*. Cambridge.